

Шалва Дадиани,

D-142-в.с

2520/р

**ВЕСТИ
с
ФРОНТА**

рассказы

издательство
«Заря Востока»

1 р. 50 к.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00463226

5

b

8c 41
32B9

Д-142-8с

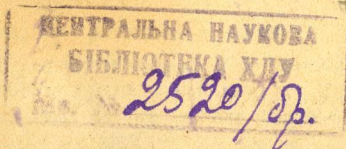
ШАЛВА ДАДИАНИ

ВЕСТИ С ФРОНТА

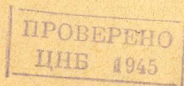
РАССКАЗ

Перевод с грузинского

А. КАНЧЕЛИ

Издательство «Заря Востока»
Тбилиси — 1943 г.

Редактор А. Абашели.

Подписано к печати 21 января 1943 г. Объем $1\frac{3}{8}$ печ. листа. В 1 печ. листе 31,360 типографских знаков. Тираж 7.000. Заказ № 3256.

УЭ0632

Отпечатано в типографии им. А. Ф. Мясникова
издательства «Заря Востока». Тбилиси,
проспект Руставели, № 36.

Идет снег.

Молоденькая, черноглазая Деси, держа под руку светлую блондинку, ведет ее по направлению к Сабуртало.

У блондинки в руках довольно объемистый чемодан и небольшой узелок, а Деси, кроме ридикюля, держит маленький саквояж.

Обе шагают молча.

Деси наблюдает, как мелькают крупные снежные хлопья, мягко падают на асфальт и мгновенно тают.

Девушку радует это зрелище, и она с удовольствием встречает налетающие на нее белые снежинки, которые дерзко бьют ее по лицу и беззастенчиво ложатся на длинные девичьи ресницы.

А блондинку больше, чем снег, видимо интересуют окрестности. Нахмурен-

ный в глубокой задумчивости лоб несколько проясняется. Даже слабая улыбка появляется на лице.

— А ведь это совершенно напоминает русский город!—приятным контрастом произносит она.

— Что это? Снег? — спросила Деси.

— Нет. Все вокруг: дома, улицы...

Деси стало немножко обидно:

— Почему вы думаете, что у нас нет по-европейски устроенных городов?

Блондинка повернулась к Деси, взглянула на нее внимательно и, повидимому, удивилась обидчивому тону спутницы.

— Нет, я на Кавказе никогда не была.

Они вышли на площадь Челюскинцев.

— Ох, а вот это — красота! — вырвалось у блондинки, и она приостановилась у входа в Зоопарк.

Глубина площади была в тумане, словно прозрачную вуаль накинули на нее, и огромные здания стояли вокруг, как закутанные в плащи.

Ложбина, где стоит шелкоткацкая

фабрика, вся была заполнена туманом, этой легкой тканью природы, и оттуда робко выглядывали раньше времени зажженные электролампы, словно мерцающие матовые пуговицы на белом одеяле.

Деси было приятно восхищение спутницы, и она, уже сама, указала:

— Вон, взгляните, перед нами... Это — стоквартирный комбинат с своей одиннадцатизэтажной башней... Видите, каким великаном стоит он под сумеречным небом. А дальше, на пригорке, виден другой Голиаф, Институт инженеров железнодорожного транспорта, но сейчас, в этом тумане, и он дремлет...

Спутница улыбнулась, двинулась с места, но Деси ее остановила:

— А вот это действительно замечательно!.. Взгляните, взгляните. Перед нами, на холме, круглое здание. Это — цирк, красивейшее строение и украшение города.

— Цирк? — переспросила блондинка и взглянула на здание.

Прожектор, установленный на кровле, освещал часть цирка, подернутого

прозрачным туманом. В одном месте эта завеса белого шелка, словно нарочито, была приподнята, чтобы выявить благородные формы колонн здания и поднимающиеся к ним ряды ступеней гостеприимной лестницы.

Перед ней, в освещенном пространстве снежные хлопья шаловливо скользили, словно вызывая на пляску и лестницу, и неподвижно вззирающие крепкие стены.

Издали казалось, будто медленно качался этот неосязаемый, странный занавес.

Деси продолжала:

— И в самом деле, наш красивый цирк сегодня прямо-таки сказочный! А не правда ли, он сильно напоминает древний греческий, вообще античный, храм?

Спутница еще раз внимательно взглянула на Деси. Повидимому, личность этой молодой девушки все больше ее удивляла.

А Деси продолжала болтать:

— Все это в таком освещении, как во сне... Нечто подобное я видела в

театре... Да, да... Призрачная завуалированная декорация...

Но тут она рассмеялась. Только теперь заметила, что она держит гостью, нагруженную вещами, в снегу, собственно говоря, без причины. Извинилась.

Двинулись. Сделав несколько шагов, Деси услышала вопрос.

— А вы часто ходите в театр?

Деси была увлечена своими мечтами и не сразу поняла. Потом она несколько обиделась, — за кого меня принимает эта девушка, — и сухо ответила:

— Да.

Молча пошли дальше.

Деси раздумывала:

Кто эта девушка? Деси знает, что она — эвакуированная, приехала с дальнего Севера, но почему держит себя, как человек, который ничего не видел. Сначала ее удивило благоустройство города, потом посещение театра. Неужели она не ходила в театр там, где жила. Но по внешности приезжая не похожа на неотесанную девушку... Умный взгляд, спокойное, приятное, привлекательное лицо сегодня, в конторе,

ей даже понравилось. Но если она окажется невеждой... Нет, Деси очень ошиблась, согласившись дать ей у себя приют. Но неужели внешность ее обманула? Увидим, увидим...

И Деси отбросила неприятные мысли.

Ее молодая, живая и здоровая натура не была привычна надолго предаваться огорчению.

Она скоро утешилась:

«А что она мне такое сказала? Ничего особенного! Сама я склонна к подозрениям... От большой чувствительности это происходит, а то... Наверняка мы скоро сойдемся... А имя у нее прелестное, Людмила. Нельзя представить, чтоб носительница этого имени была грубым и нехорошим человеком».

И на этом Деси успокоилась.

Тем временем девушки подошли к квартире Деси.

Она прошла вперед и открыла перед гостьей дверь в комнату. При электрическом свете Людмила увидела чистенькую комнату, убранную со вкусом нежной девушки.

Гостье, повидимому, все это понравилось.

2

Когда Деси и Людмила устроились каждая в своем углу, они взглянули друг на друга.

И обе улыбнулись.

Это было первым залогом их сближения.

— Моя хорошая! Деси... мм... А отчества-то я не знаю.

— Так и зовите... Просто...

— Это... позже, когда мы еще более сблизимся.

Деси опять кольнуло в сердце: «Только что привлекла меня ласковой улыбкой, а теперь снова отдалилась. Какая недотрога!»

Но Людмила это объяснила по своему:

— У нас, у русских, в обычае называть человека по имени и отчеству. Иначе это будет невежливо. Лишь к очень близкому человеку мы обращаемся только по имени.

Деси это знала и в душе даже оправ-

дала Людмилу, но, тем не менее, подумала:

«Она старше меня, опытнее, лучше знает жизнь и не станет сближаться с незнакомым человеком. Она сначала испытает его. Так и следует!»

Эти соображения пронеслись в голове Деси, и она, хотя и с опозданием, объяснила, что официальное имя ее — Деспинэ, а отца ее зовут Мурзаканом.

«Мурзакан» несколько затруднил дело, но Людмила заявила, что она привыкнет к этому имени.

— Я, как вы уже знаете, Людмила Николаевна Соколова, по профессии — новоиспеченный металлург; эвакуирована сюда, в Тбилиси. Тут, оказывается, имеется металлургический завод, и я должна быть к нему прикреплена. Это все. Знайте это и окажите мне милость и покровительство.

Последние шутливые слова она дополнила мягкой, милой улыбкой.

— Это все хорошо, но почему вы сказали: «новоиспеченный металлург?»

— Ха, ха! — рассмеялась Людмила, — я вам кажусь старой?

Деси бросило в краску: «Зачем я ее обидела?» Она взглянула на ее открытое лицо: кожа была чистая, гладкая, в умных глазах сверкала молодая жизнь. Она хотела что-то сказать по поводу этого, но Людмила ее опередила:

— Женщины моих лет не любят обнаруживать свой возраст. Это, по-моему, повсюду так, но я вам скажу прямо: я еще не так стара, мне тридцать пять лет, а «новоиспеченной» я себя назвала потому, что только недавно приступила к работе на заводе, с начала войны, а до этого служила на том же заводе уборщицей.

Деси встала и стала извиняться:

— Простите, милая, я тут заставляю вас говорить и забываю, что вам пора покушать и отдохнуть.

— От этого не откажусь, хотя покушать... У меня есть своя провизия.. А вот если вы раздобудете мне горячей воды, буду очень благодарна.

— Вы шутите, — словно обиделась Деси, — что за горячая вода?! У меня есть и чай, и сахар, и хлеб, и сыр... И какой сыр! Вы наш сыр, вероятно,

еще не пробовали. Я убеждена, вам понравится. Если бы вы знали, что у меня еще есть! Мандарины, крупные, сладкие.

— О-о, мандарины я уже пробовала. В этом отношении ваша страна благодатная. Я и раньше об этом слышала.

Людмила выложила из узелка свою провизию, открыла большой чемодан, откуда достала полотенце, мыло, белье, раскрыла и маленький саквояж, который по дороге несла Деси, и с заразительным смехом воскликнула:

— Я не стара, нет, Деспинэ Мурза... кановна... Поглядите-ка!

В руках у нее был портрет красноармейца в красивой черной рамке.

— Вот видите! — продолжала Людмила, — какой у меня взрослый сын, а все-таки я не стара.

И с невыразимой нежностью еще раз взглянула на портрет сына.

Деси подошла ближе.

Она увидела прекрасное лицо молодого человека, привлекательное, энергичное, повелевающее.

Он походил на мать чертами, но в нем было еще нечто другое.

Так почувствовала Деси, но что было это другое, девушка объяснить не могла.

И удивительнее всего:

Величайшую близость почувствовала Деси к этому совершенно незнакомому человеку.

Словно они давнишние друзья, давно знают друг друга, все между ними переговорено, обсужено, пересмотрено и выяснено.

Это ее страшно удивило.

— Понравился? — с гордостью спросила мать.

Деси на это не ответила, только задала вопрос:

— Он теперь на фронте?

— Да, на фронте! — с легким вздохом ответила Людмила.

— И что же? Рядовой красноармеец... — Деси не сразу нашла нужное слово: — ...такой богатырь?

— По ремеслу он слесарь, и стахановец, учился в заочном ВУЗ'е.

— Как и я! — радостно вырвалось у Деси.

3

— Так, значит, вы одновременно и на заводе работаете и в заочном ВУЗ'е учитесь? Молодец девушка! — проговорила Людмила, поставив портрет сына на стол, и после уже спросила:

— Ведь можно поставить сюда?

Деси с такой ласковой улыбкой взглянула на нее, что у Людмилы всякие сомнения в дозволенности сделанного, если только они у нее имелись, исчезли.

Чай был готов, они сели к столу.

Из беседы выяснилось, что Деси — сирота, никого, кроме старшего брата, у нее нет, да и тот в настоящее время на войне. Этот брат ее и вырастил; сначала отдал ее в сельскую семилетку, а потом перевел сюда, в Тбилиси. Нуждались оба, и потому девушка поступила на шелкоткацкую фабрику сначала простым рабочим, но теперь, овладев мастерством, работает на нескольких станках, считается передовой

работницей и живет на свою зарплату. Пока брат был здесь, им было сносно жить. Брат холост, и они недурно себя чувствовали в этой чистенькой комнате. Комната одна, но с балконом по фасаду и кладовкой сзади. Есть у них и небольшой дворик, и летом, при брате, они даже маленький огород развели. А теперь Деси не знает, сумеет ли одна с этим справиться.

Людмила хотела предложить свою помощь, но потом у нее мелькнула мысль, неужели и весной она будет здесь; промолчала. Спросила о другом:

— А какой профессии ваш брат?

Оказывается, он был поваром.

Деси, повидимому, стеснялась профессии брата; Людмила поняла это и, чтобы ободрить девушку, заявила:

— Всякая профессия почтенна, необходима и ответственна, моя милая, если ты свое дело знаешь и честно исполняешь свой долг. Этому меня научил жизненный опыт.

— Ну, мой брат именно такой. В своем деле он — первый. Даже в Мо-

ске на кулинарных курсах был и еще больше выдвинулся. У него — много похвальных грамот от разных учреждений. Вот!..

И Деси выдвинула ящик стола.

— Но нет! Лучше я вам последнее его письмо покажу. Оно интереснее для вас. Если разрешите.

Людмила кивнула головой.

— Из этого письма мы поймем, чем в данный момент дышит мой брат, что его одухотворяет.

— Вы слишком литературно рассказываете, Деспинэ Мурзакановна...

— Ха, ха! — рассмеялась Деси, — в самом деле? Это, вероятно, след университетской учебы. Я же на литературном... И очень люблю художественную литературу.

— А-а! И сами, конечно, пишете?

— Да.. Для себя, упражняюсь.

— Стихи? Да? — дружески стала выпытывать Людмила.

Деси покраснела.

— Да!

И она мысленно вспомнила свое последнее стихотворение, посвященное своей родной реке:

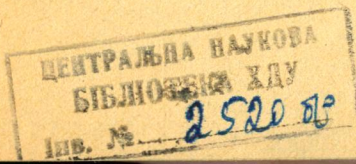
«Техури, родимая речка, —
Прозрачна, как свод голубой...
Твой берег лесами чарует,
Пугает нависшей скалой.

Любила, ребенком счастливым,
Просторы Бетлемских лугов...
Была ты могуча, как воин,
Как «дэви» младенческих снов.

И прыгали в волнах форели,
Гонялся сазан за плотвой...
Я помню твое изобилье
И всплески волны голубой»...

Здесь Деси прервала свое стихотворение, которое ей теперь не так понравилось, как раньше.

«Поэзии тут мало, — подумала она, — просто — рифмованная проза. Хорошо еще, что никто его не прослушал... И Людмиле она его не прочтет... Стыдно...»

Деси достала письмо брата, раскрыла его... И все-таки продолжала думать о стихах... «Они мне нравились вероятно потому, что я очень люблю родную деревню».

Деревня Бетлеми!

Милая, родная!

Быть может, для других она и не представляет ничего особенного, ибо таких красивых деревень в Грузии, в особенности в западной ее части, очень много, но для нее Бетлеми — нечто особенно дорогое. Одинокó возвышающаяся Нокалакевская гора, на вершине которой раскинулось плоскогорье, сверкающее свежей зеленью кустарника, украшена высающимися хвойными деревьями, обступившими ее, словно стройные мегрелы. Несколько выше — развалины старой крепости Куджи, седой Археополис. Здесь когда-то был расположен древний город, куда, для похищения Медеи, прибыли аргонавты; здесь же история разыграла трагедию царя Колхиды, Губаза; и предводитель иранских полчищ Мермероз на этих

горных склонах пытался решить судьбу древней Колхиды, и многое другое...

Деси все это знает, изучила, читала и гордится тем, что сама — родом из этой местности.

Воспоминания сменяют друг друга, и девушка медлит с чтением письма брата.

4

Людмила удивлена, почему она медлит. Деси объясняет, что письмо написано по-грузински, и она хочет передать его содержание.

И она начинает передавать.

Оказывается, брат и на фронте работает поваром, и это обстоятельство его очень огорчает, в особенности после того, как их часть получила почетное наименование гвардейской.

«Какой же я гвардеец, если двух-трех фашистов, как бешеных собак, не укокошил», — пишет, между прочим, брат Деси.

«Я не вытерпел и как-то раз стал просить командира послать меня на разведку.

Командир спросил меня:

— Почему у вас явилось желание пойти на разведку?

В ответ на это я достал из кармана газету... Нашу родную красноармейскую газету, и протянул ее командиру: такой-то красноармеец — слесарь совершил геройский поступок, каменщик совершил то-то и то-то, парикмахер — тоже какой-то подвиг и т. д. А почему повар ничего не может совершить?

— Ты очень хочешь стать героем?
— усмехнулся командир.

— Какой же гвардеец не будет к этому стремиться? Это мой долг, наконец.

Командир согласился, но предупредил — в плен не попадать. Отобрал документы и послал меня к командиру сотни.

Седьмого числа прошлого месяца, в одиннадцать часов ночи, мы двинулись в разведку, мороз был в сорок три градуса, ужасный ветер, мятель слепила глаза... Шли мы по миниро-

ванному полю, осторожно, спокойно двигались. Снег скрипел под нашими ногами, да над головами пролетали снаряды наших орудий.

Надо сознаться, не так-то легко, оказывается, завоевать звание героя. В ночной темноте кусты, деревья, большие камни казались мне людьми, которые вот-вот начнут нас обстреливать. Я даже несколько отстал от своих. Но заметив это, обругал себя: «Эх, трусишка! Чего же ты хорохорился, если и на это не способен! Разве я не обязан пожертвовать собой ради счастья моей великой родины?!»

И пошел вперед.

Трудно было двигаться, но я все-таки на двадцать пять метров опередил своих товарищей... Дальше уже пополз...

Вдруг до меня донеслись голоса. Остановился. Напряженно всматривался вперед. Кое-как различил неприятельский дозорный пункт.

Немедленно вернулся, чтоб срочно доложить командиру разведки о замеченном. Тот приостановил движение

своей части, приказал нам надеть резиновые перчатки и приступить к уничтожению проволочных заграждений. Через два часа напряженной работы мы освободили дорогу от заграждений и на двадцать метров приблизились к врагу. Командир назначил меня дозорным на левом фланге, а на правом тов. Жукова. Стоим, наблюдаем, чтоб никто не подкрался. Вдруг вижу, вооруженный автоматом враг подбирается с тыла.

Стал сам приближаться к врагу. Взял ружье на изготовку. Как раз в этот момент Жуков, который, оказывается, влез на дерево, окликнул меня: «Квеселава, Квеселава! Где ты?» Молодец был Жуков, неустрашимый, но очень молодой и неопытный, потому с ним и стряслась беда. Услышав окрик Жукова, враг, понятно, повернулся в его сторону и выстрелил. Раненый в левую руку, Жуков, полагая, что я попал в плен, убежал к части и доложил командиру о случившемся. Командир приказал, чтобы разведка немедленно,

по одиночке, короткими перебежками, отошла.

Я же, увидев, что наша разведка повернула назад, вскочил и пошел за нею. Но неприятель заметил меня и стал обстреливать. Я закопался в снег. Над моей головой жужжали пули... а помощи ни откуда. Думал: неужели таков мой конец? Замерзнуть в этом снежном саване? При мне был автомат с тремястами зарядов, шесть гранат и немного водки, которой, чтоб не замерзнуть, мне хватило почти до рассвета. Но когда она вся вышла, трудно стало держаться в моем сугробе. Тогда я решил пробиваться к части. Высунул голову. И увидел, как по правой стороне четыре неприятельских солдата ползут по снегу как раз к тому месту, где раньше стояла наша часть. Ясно было, они шли, чтобы выяснить результаты их ночного обстрела, найти труп, или раненого, подобрать оружие и документы. Ползли совсем близко, в трех-четырех метрах от меня.

Я, не долго думая, забросал их гра-

натами. Двух презренных гадов уколошил, третьего ранил тяжело, вероятно, в ногу, — четвертый товарищ его на спине потащил.

Затем бросился к убитым, забрал документы, автоматы и побежал к части. До прихода туда неприятельские автоматы схоронил в снегу и явился к начальнику штаба.

Докладываю: «Являюсь, товарищ начальник, красноармеец Квеселава».

— А-а! Ты разве не тот, что в плен попал? Как же ты вылез?

— Нет, товарищ начальник штаба, как я мог попасть в плен?! В качестве дозорного предупредил об опасности нашу часть и двух презренных фашистов уничтожил.

Начальник рассмеялся:

— На героя ты что-то не похож. Небось, хвастаешься только! А где у тебя доказательства?

Побежал я тотчас, вырыл из снега автоматы и документы и представил начальнику.

Тут уж дело повернулось иначе. Начальник штаба объявил мне благо-

дарность, комиссар расцеловал и командиром взвода назначил. Когда я вернулся в свою часть, бойцы окружили меня, поздравляли.

Но я этим не удовольствовался: отобрал крепких, как туры, парней и в тот же день пошел опять на разведку...»

Тут Деси прервала передачу содержания письма брата. Людмила задумалась... Потом сказала:

— Ваш брат оказался молодцом... Сообразительным и ловким...

Помолчав, добавила, словно про себя:

— Если что человек захочет всей душой и будет делать с уверенностью, он непременно добьется своей цели.

Деси ласково ей улыбнулась, но взгляд ее остановился на портрете в рамке.

5

Деси была одна у себя в комнате и работала за столом. Внимание ее часто отвлекалось портретом в красивой рамке.

Вот она отложила книгу, пододвинула портрет и еще раз взгляделась в него.

Девушка уже привыкла это делать, как только находила удобный момент. От Людмилы она это как будто скрывала, но подчас желание взглянуть на портрет до такой степени овладевало ею, что приходилось это воровски делать и при ней.

Бывало, придравшись к необходимости стереть со стола пыль, возьмет рамку с портретом в руки и, приводя в порядок стол, нет-нет, да взглянет на молодого бойца.

Замечает ли это Людмила? Деси не знает, а если и замечает, то что ж из этого?

Когда же в комнате она одна, как сегодня, она прерывает чтение, поддвигает портрет к себе и глядит, не отрываясь.

Но с некоторого времени Деси не довольствуется этим, а даже беседует с портретом, но молча, в душе.

Словно он сам сидит с ней, и она разговаривает с ним. Словно не толь-

ко Людмила поселилась в ее комнате, но и этот замечательный и очаровательный парень.

Какой у него высокий лоб! Какой проникновенный взгляд! Словно огромный жизненный опыт накоплен в этих глазах, словно он давно уже все знает и ничто не ускользнет от него, но эти мудрые глаза тебя не пугают, не глядят на тебя свысока: «Ты, мол, кто? Букашка! Я—выше тебя. Я знаю все!» Нет! Эти глаза настроены дружески: «Не стесняйся, ты можешь мне доверить самую сокровенную тайну твоей души!» И какой неустрашимой отвагой дышит это лицо. Такой лик был, вероятно, у Прометея, похитившего огонь у богов.

Его звать Игорь, — красивое русское имя... Деси с ним чувствует себя совсем непринужденно... Откровенно говорит ему все, ничего не скрывает.

И вот сейчас она говорит с ним о матери:

— Твоя мать прекрасная женщина, много горя она испытала и тебя, си-

роту, с невероятным трудом воспитала.

Деси знает историю детства Игоря, знает, что он рано потерял отца... Знает, каков он был ребенком, юношей и каков теперь, в возмужалости... Какие у него привычки, характер, что он любит и что ненавидит.

Ведь Людмила рассказала ей, хотя и скупое, обрывками, всю свою жизнь с сыном... Длинными зимними вечерами вела она рассказы о пережитом.

И в душе девушки возник образ передового советского юноши.

Потому, может быть, она и любит эти молчаливые беседы с ним. Ничего не значит, что он не отвечает. Деси знает, как бы он ответил.

Вот и теперь Деси говорит с ним о матери...

Отворилась дверь, и вошла Людмила.

Деси, словно ее застали на месте преступления, сконфуженно сняла руку с портрета Игоря и встала.

Но Людмила в этот момент и не заметила, что девушка глядела на порт-

рет ее сына. Она тяжело опустилась на свою постель и дрожащими руками достала из сумочки запечатанный конверт.

— Что такое? Что с вами случилось?

— Письмо от Ии... Игоря, — еле пролепетала Людмила.

— Что же он пишет?

— Не читала... — чуть слышно проговорила Людмила и разорвала край конверта.

Четыре больших листа были исписаны мелким, но разборчивым почерком. В письме повествовалось, какая отвага, какой героизм характеризуют доблестную Красную Армию, как она уничтожает шайки оккупантов-гитлеровцев, как гонят назад орды презренного врага наши патриоты-бойцы. Приведены были прекрасные примеры их отваги и самопожертвования. Затем письмо говорило о семейных делах: как Игоря беспокоит вынужденный отъезд матери, как он жаждет еще раз свидеться с нею, тепло и ласково побеседовать. В конце письма Игорь

передавал один боевой эпизод, участником которого был сам.

Лицо Людмилы постепенно озарялось радостью. Но вдруг это радостное настроение сменилось какой-то настороженностью.

Игорь писал:

...«Но в этот момент я отскочил в сторону и произвел выстрел. Германец что-то пролаял на своем языке и прислонился к дереву, но не упал. Одновременно рядом со мной блеснул огонь, и я почувствовал ожог на боку».

Людмила прервала чтение, снова стали дрожать руки. Словно и она в своих пальцах ощутила ожог от огня, словно и само письмо вспыхнуло, и руки не в состоянии держать пылающую бумагу.

Глубоко вздохнув, Людмила продолжала читать:

...«Но я подбежал к немцу, стоящему у дерева и снова выстрелил. Он взмахнул руками и грохнулся наземь. В тот же момент перед моими глазами

сверкнул огонь... Чуть не ослепил меня»...

Людмилу охватила дрожь. Строчки письма запрыгали. Овладев собой, она продолжала:

...«сверкнул огонь. Звук выстрела дошел до меня, но пуля прожужжала мимо моего лица. Это был второй немец... Я поспешно припал к земле. Враг предположил, что пуля его достигла цели, двинулся и всей своей тяжестью навалился на меня. Завязалась борьба. Немец обеими руками схватился за мою правую, стараясь вырвать у меня «Наган», а я левой рукой сжал ему горло. Но тут я почувствовал, что ранен...»

Людмила издала страшный вопль и без чувств повалилась на постель.

Деси бросилась к ней, обрызгала водой, натерла виски одеколоном, но Людмила долго не приходила в себя.

Наконец, она открыла глаза, заплакала немного...

— Да что с вами, тетя Людмила? Ведь это же вам Игорь пишет!

Людмила кивнула головой.

— И что он такое пишет?

Людмила взглядом указала на письмо.

Деси поспешно схватила его... Собственноручное письмо Игоря... Это будет дальнейшим, более близким знакомством с этим обаятельным, но незнакомым существом...

Письмо она быстро прочла... Словно проглотила. Улыбнулась.

— Ну, что же тут дурного?! Был ранен... Был! — подчеркнула последнее слово Деси:

— Ведь он же сам вам пишет!.. Значит, — спасен. Теперь здоров... Жив!.. А вот... Вы это, вероятно, упустили из виду: «Рана у меня быстро зажила, и я уже вернулся в свою часть». Видите, он опять в своей части, здоров-здоровешенек... А дальше он пишет о своем товарище, которого убили в бою. «Ох, как тяжело терять задушевного друга, бесстрашного парня, самоотверженного бойца, полного радостной жизни красавца. Потеря такого человека убивает душу. Такого именно парня нам пришлось на днях похоро-

нить. Утешает нас только уверенность в том, что имя его бессмертно в народной памяти, ибо он пожертвовал собой за святое дело народа, за его свободу, за победу над врагом».

— У моего Игоря очень нежное сердце! — проговорила Людмила.

Она уже села на постели, но слезы еще сверкали на ее глазах. Деси подошла к ней. Людмила ласково погладила ее по голове и сказала:

— И ты хорошая девочка, Деси.

— Деси?! — почти крикнула девушка, — вы первый раз называли меня Деси! Какая радость!

6

В воскресенье была хорошая погода. О снеге и помина не было. Тбилиси и в зиму улыбнулся солнцем.

В комнате Деси тоже было солнечно-радостно. Людмила и Деси открыли окна и дышали свежим, чистым воздухом.

Отсюда были видны отроги Зедазени, а за ними среди синих, кое-где снегом посеребренных гор, на безоб-

лачном небе возвышался Мкинвари (Казбек).

Почтальон принес газеты. Людмила раскрыла русскую газету и вдруг воскликнула:

— Деси! Дорогая! Что ты мне дашь за радостную весть?

Девушка с удивлением подняла голову:

— Что же может быть такого?

— А вот, радуйся! Твой брат, Петр Мурзаканович Квеселава, получил звание героя...

— Э-э... Какое там звание героя! — с недоверчивым смехом, сквозь который пробивалась радость, проговорила Деси.

Но через мгновение она убедилась, что Людмила говорит правду.

Деси чуть не в пляс пустилась, потом бросилась обнимать Людмилу.

Та с материнской лаской поцеловала девушку в лоб.

— Теперь это радостное известие нам надо отпраздновать. Я пойду на базар, куплю что-нибудь вкусное.

— Ох! Зачем же вы? Я пойду...—возразила Деси, но Людмила произнесла окончательное решение:

— На базар пойду я, а ты позови двух-трех подруг и повеселимся.

Деси согласилась. Людмила поспешно оделась. Взглянула еще раз с улыбкой на газету, потом мельком на портрет сына.

После ухода Людмилы Деси оперлась локтями на стол, стала глядеть на фотоснимок Игоря.

Тысячи ласковых слов она ткала в душе своей этому близкому, желанному, но пока незнакомому юноше.

Незнакомому?

Нет! Человек этот оказался близким и родственным ей по душе.

И теперь любитесь им и... взывает, взывает!

«Ты мне подвиги героя

Покажи, как воин, смело!..»

—проговорила про себя Деси.

Но когда же придет весть о твоём героизме?

Вон, Петр Квеселава опередил тебя.

А ты? У тебя такие богатые задат-

ки, что ты должен стать героем, обязан!

Когда же ты известишь нас об этом? Разве ты не знаешь, что твоя мать, эта замечательная женщина, с душевным волнением ждет эту новость. Да, твоя мать и еще... некто!

Но ты ее не знаешь... А у нее трепещет сердце за тебя...

О-о! Как ее обрадует твое геройство, твоя отвага... Как вырастет она, как будет гордиться тобой и возвысится в собственных глазах, ибо, значит, она не ошиблась в своем выборе, в своем незнакомом знакомце...

И Деси шаловливо улыбнулась портрету.

Возможно, что мать тебе когда-нибудь сообщит, что одна девушка влюбилась в лоскуток бумаги и потеряла голову.

Но нет!

Тут Деси прижала к груди фотокарточку.

Нет, это не лоскуток! Это образ прекраснейшего человека.

Еще раз Деси взгляделась в портрет, и, наконец, ей стало стыдно:

— Как я могла забыть радостное известие относительно брата.

И в то же время ей вспомнились народные стихи:

«Есть один чужого рода —

Он дороже мне вселенной!»

Но раньше она их пела механически, не вдумываясь в смысл.

А теперь?..

И Деси, как бы раскаиваясь, взглянула на лежащую перед ней газету, чтобы еще раз перечитать сухие, но торжественные строки о награждении брата.

Перечитала с счастливым и радостным выражением лица... Но что это такое? Что за черная точка ей помешалась?

Да... Игорь! Игорь Соколов!

Не в состоянии читать... Собралась с силами... Какая-то радостная весть, должно быть...

Прочла:

«На одном из участков Калининского фронта одно из наших подразделений

попало под сильный огонь пулемета вражеского дзота. Герой красноармеец Игорь Соколов подкрался к огневой точке дзота и своим телом прикрыл дуло пулемета...»

У Деси в глазах зарябило, сердце замерло.

Нет, ничего подобного не может быть.

«...телом прикрыл дуло пулемета...»

Собрала остаток сил и...

«...Наше подразделение пошло в атаку и уничтожило врагов».

— Прекрасно! Прекрасно! — мелькает в голове Деси. Но газетная заметка кончается так:

«Отважный красноармеец Игорь Соколов геройской смертью увенчал свое имя бессмертной славой».

Деси упала головой на стол, слезы покатались из глаз. Глубокие стоны потрясали ее грудь...

Вернулась Людмила.

Вернулась радостно - возбужденная... Но то, что она застала дома, ее встретило.

— Что такое? Что случилось? Деси!
Моя хорошая!

Деси продолжала стонать. Но называть Игоря не осмеливалась.

И слезы лились.. Искренние, первые чистые слезы девушки душили ее.

Людмила ничего не понимала. Потом слегка рассердилась, но и это не помогло. Деси, опустив голову на стол, глухо всхлипывала.

Выйдя из терпенья, Людмила подошла и легонько ее встряхнула. В ответ на это Деси пододвинула ей газету.

Людмила взяла газету, но долго ничего, кроме известия о награждении Квеселава, не могла найти.

Присела, углубилась в газету, стала ее внимательно читать от первой строчки до последней.

Вот!

Наткнулась она на роковые строки...

Внезапно встала, выпрямилась, сделала несколько шагов и, пошатнувшись, прислонилась к стене.

Деси несколько удивилась. Она ожидала услышать душу раздирающие крики, хотела броситься в объятия несча-

стной матери, чтоб в общих слезах по-
топить горе... Но ничего этого не слу-
чилось.

Девушка потянулась подойти к Люд-
миле, но, взглянув на нее, застыла.

Та стояла словно окаменелая, в гла-
зах ее, вместо слез, была суровость,
стиснутые губы говорили о каком-то
принятом трезном решении и страшно
бледное лицо — о неимоверном стра-
дании.

Вся ее фигура напоминала античную
богиню мести.

Она была смертельно ранена в серд-
це.

Да и сама Деси... Но нет, она почув-
ствовала в этой женщине какую-то
высшую силу страдания, и собственное
горе девушки притупилось и умолкло.

7

Прошло несколько дней.

Жизнь этих двух женщин пошла
своим путем: снова выполнение обще-
ственных обязанностей, напряженная,
быть может более самоотверженная,
работа.

Словно ничего особенного не произошло в их жизни.

Лишь одно: гибель Игоря затушевала в душе Деси радостное известие о подвиге брата. Об этом больше не говорили.

Игоря тоже не называли.

Только Деси, еще более скрытно, глядела на портрет юноши и молча оплакивала свою первую любовь, которую в душе она сравнивала с нераскрытым бутоном розы, безвременно увядшим, с солнечным лучом в ее жизни, закрытым черным саваном.

Обе женщины избегали бесед. Говорили только о необходимых вещах.

Но одно обстоятельство особенно удивляло Деси.

Почему, при получении письма от Игоря, Людмила почти лишилась сознания, пролила потоки слез, а теперь, когда она узнала потрясающую весть, что ее Игоря больше нет... что она потеряла самое дорогое существо, потеряла навсегда, безвозвратно, она так твердо держится.

Трудно было Деси разгадать эту загадку.

Но вот, спустя некоторое время, Людмила слегла.

Деси самоотверженно за ней ухаживала, и Людмиле становилось лучше.

Как-то вечером она приподнялась на постели и с какой-то внутренней силой промолвила:

— Они вызвали к жизни наш гнев, дали ему пищу, взрастили его!

Деси догадалась, кто подразумевался под словом «они», но промолчала. Людмила хотела говорить, и Деси ей не мешала. «Быть может, это лучше», — подумала она. Девушка помнила, что

«Горем тяжким поделиться

Для страдающих отрадно...»

Людмила продолжала:

— Мы не можем вернуть наших погибших детей, братьев, отцов, мужей. На поле брани, за Родину, они сложили свои головы. Но наше великое горе может облегчить только месть, полное уничтожение врага. Погляди, Деси, что написано...

Из-под подушки она достала газету:

— Вот тут! — указала она и добавила:

— Я долго над этим думала, долго думала, но... не сразу поняла, но теперь, углубившись, о-о, какая это — правда! Какие хорошие писатели бывают: часто они так ясно и ладно выражают твои затаенные мысли... Хорошо, очень хорошо, моя дорогая, что ты любишь литературу... А ну-ка, прочти теперь громко только те места, что я подчеркнула карандашом.

Деси стала читать:

«Разгромить фашистские орды, — это значит дать человечеству свободно дышать... Сохранить жизнь миллионам людей...

Уничтожение врага, это — возрождение семей, улыбка детей, радость свободного труда... Это — свет, воздух, вода, счастье. Это — жизнь!»

Людмила воскликнула:

— Правильно! Правильно! Для этого стоит жить, трудиться, бороться... Все надо уметь вынести, выдержать... Дай сюда портрет Игоря.

Деси принесла.

Сколько нежности было в глазах матери, сколько чувства любви к сыну... И по лицу Людмилы покатались крупные слезы.

«Исцелена! Выздоровела!» — подумала Деси, увидев эти первые, после рокового дня, горячие материнские слезы.

И девушка не выдержала. Со слезами на глазах она припала к груди Людмилы.

— Ты любила Игоря... Не была с ним знакома, но любила... Клянусь тобой, он был достоин любви.

И снова зарыдала мать, прижав к себе плачущую Деси, и долго эти две женщины сидели, тесно обнявшись...

